

А.А.Никонов

СПИРАЛЬ МНОГОВЕКОВОЙ ДРАМЫ: АГРАРНАЯ НАУКА И ПОЛИТИКА РОССИИ (XVIII-XX ВВ). М.: Энциклопедия российских деревень, 1995. 574 с.

Хотелось бы привлечь внимание социологов к книге академика А.А.Никонова. Приходится, к сожалению, говорить — последней книге. Автор уже надписал первые экземпляры, чтобы послать их друзьям и коллегам вместе с приглашением на презентацию, вышел из дома по хозяйственным нуждам — и его сбила машина...

Александр Александрович давно задумал эту книгу, основательно подбирал материал и последние два года трудился над ней практически все свободное время. Писал каждый день, словно боясь не успеть. Сам он рассматривал эту работу как "научно-исследовательскую" с элементами "крестьяноведения". Книга вышла обстоятельная, многоплановая, с привлечением огромного материала. Возможно, кто-то сочтет такую многоплановость за недостаток научного издания. Как бы предвидя это, А.А.Никонов заметил в предисловии: "Конечно, было бы проще и легче взять какую-то одну проблему или же один период, всесторонне рассмотреть их. Но существует и междисциплинарный подход. Автор избрал его. Видимо, в целом работу можно считать экономико-историко-политологической" (с.6). Однако и сам подход, и содержание книги, конечно, прежде всего определяет личность автора.

Многие знают академика Никонова как президента ВАСХНИЛ — он так и останется последним ее президентом. И, наверное, сохранится в устных рассказах, что в знаменитом старинном особняке, где располагалась академия, он не стал занимать традиционно президентский "чертог", принадлежавший когда-то и Лысенко. Он не мог ощущать себя преемником человека, унизившего науку. И это была не поза — это была позиция. Мало кому известно, чего стоила А.А.Никонову борьба за восстановление добрых имен целой плеяды ученых. И когда в 1987 году он, наконец, держал в руках документ Военной коллегии Верховного суда СССР об их реабилитации — он был действительно счастлив.

Мир связей науки и общества, перипетии развития крестьянского хозяйства и аграрной экономической теории, проблемы реформирования экономики и ответственности ученого переплетаются в книге академика Никонова, как переплетались они и в его жизни. Приграничная псковская деревня, где он родился, "отошла" в свое время вместе с ее жителями к Латвии. Здесь он учился в гимназии, университете, сельскохозяйственной академии, здесь вступил в партию (бывшую тогда в подполье), а возвратившись с войны, работал на крупных постах, в том числе десять лет был министром сельского хозяйства. Он писал в одной из своих публикаций: "Разумеется, не претендую на истину в последней инстанции и сознаю, что не могу оторвать себя от своего времени. Моя совесть чиста в одном: никогда не участвовал в каких-либо насилиях, репрессиях или депортациях. Война, конечно, не в счет. В войну стрелял. Это была война. А вот определенному романтизму, диктовавшему порой и логику действий, подвержен был, пока не наступило отрезвление... К середине 50-х годов у меня испарился "революционный романтизм". Десять лет достаточный срок, чтобы увидеть пропасть между словом и делом, пропагандой и действительностью, теорией и практикой, понять, что и с теорией не все в порядке. Я занялся изучением трудов А.В.Чаянова — благо нашлись порядочные люди, сохранившие их, несмотря на оголтелую античаяновскую и антикондратьевскую кампанию. Познакомился с одним из оставшихся в живых его соратников — профессором Н.П.Макаровым. Появилось много друзей и единомышленников среди ученых, специалистов, опытных крестьян, благоразумных

руководителей хозяйств. Подготовили коллективную монографию по системам ведения сельского хозяйства. Тогда изучение этой проблемы в стране только начиналось. Сделали попытку поставить эксперимент в одном колхозе, переведя семьи хуторян-колхозников на безнарядный подряд с освобождением от всяких пут и отчетностей за каждый шаг"... ("Коммунист", 1990, № 14, с.48, 53-54).

Тогда его обвинили в "подрыве колхозного строя" и эксперименты, естественно, свернули. Но окончательно точка на всем была поставлена несколько лет спустя, когда его, сына псковских крестьян, обвинили в "буржуазном национализме" (вместе с группой других, относительно молодых партийных и государственных деятелей). Никонов покинул Латвию, отошел от политики и, оставшись верным науке, все же так и не стал "кабинетным ученым".

Работая над книгой, Александр Александрович использовал литературные источники, архивные данные, официальные документы, статистические сборники, исследования научных учреждений (не говоря о личных исследованиях) — автор ссылается почти на тысячу источников. Широко использованы данные социально-экономического мониторинга реформы, проводимого в течение трех лет Аграрным институтом РАСХН, материалы экспедиционных обследований и другие документы этого института, который возглавлял академик Никонов в последнее время. Автор много беседовал с Василием Александровичем Чайновым и Еленой Николаевной Кондратьевой, они предоставили ему ряд материалов из семейных архивов, относящихся к научной деятельности их отцов. Это ценнейшая "эмпирическая база", над которой трудился ученый. Но книгу делают книгой, той основной книгой, какой ее, видимо, и хотел видеть академик Никонов, его память и опыт, определяющие угол зрения. О них сказано скромно: "Конечно, у всякого научного работника накапливается какой-то личный архив с документами, наблюдениями, свидетельствами событий, мыслями и соображениями. Есть он и у автора и использован в данной книге в необходимых случаях" (с.7).

Книга состоит из трех частей, четырнадцати глав. Первая часть, говорящая о становлении и развитии аграрной науки в России, концентрирует внимание на таких именах, как И.Т.Посошков (автор мало теперь известной "Книги о скудости и богатстве" петровских времен), М.М.Сперанский, П.А.Столыпин, и таких событиях и трудах, которые способствовали реформированию общественных отношений, эволюции крестьянского хозяйства, развитию кооперации. От Императорского Вольного экономического общества, учрежденного Екатериной, до Лиги аграрных реформ с отделениями в 33 губерниях, созданной в начале 1917 года. От отмены крепостного права до аграрных программ различных политических партий уже XX века.

Вторая часть отражает состояние аграрной науки и политики в советский период (включая годы перестройки). Представленный здесь материал дает основание сказать, что мы все же мало знаем трагическую историю нашего времени, не всегда сознаем, сколь методично государство уничтожало элиту своего народа, его интеллект. И можем согласиться с выводом автора: "В аграрном отношении последние три четверти века, то есть весь советский период, являются цепью упущенных шансов поставить российское село на путь цивилизованного развития и расцвета" (с.415). На основе одной из глав этой части (тогда еще рукописной) была подготовлена публикация для "Социологического журнала" — "Взгляды на аграрный вопрос в двадцатые годы" (1994, № 3, с.66-79).

Третья часть книги наиболее нам близка: речь идет об аграрной науке и аграрном вопросе на грани тысячелетий. Можно просто перечислить названия ее глав, чтобы представить, о чем размышлял академик Никонов в последние годы своей жизни. Смута: тотальный кризис 90-х гг.; Аграрная реформа в России (90-е гг.); Потенциал аграрной науки России. Должна была быть и еще одна глава — прогностическая. Но характерно, что автор от нее отказался. Сказалось присущее ему чувство ответственности: "Сделаны наброски возможных сценариев дальнейшего развития. Однако вынужден пока от этого воздержаться ввиду непредсказуемости некоторых общественных и политических

процессов в стране. Поэтому ограничимся выводами, вытекающими из нашего опыта, из нашей истории, из особенностей советско-русского характера, а также очевидных тенденций развития" (с.9).

Коллеги А.А.Никонова, академики РАСХН А.М.Емельянов и И.С.Шатилов считают, что "по сути, в аграрном науковедении это первая книга такого масштабно-исторического характера" (с.4). Надо надеяться, она послужит не только тем, кто интересуется проблемами нашей деревни и аграрной науки.

Книга прекрасно издана. Хорошо, что Александр Александрович успел ее увидеть и с удовлетворением подержать в руках...

С.Ф.ЯРМОЛЮК, кандидат философских наук.